

ЛЮБИТЬ ЛИ КНИГУ – ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ? ВЗГЛЯД И НЕЧТО

Н.Д. БУРВИКОВА
schturval@yandex.ru
 д-р филол. наук,
 профессор
 Москва, Россия

В.Г. КОСТОМАРОВ
kostomarov_v_g@mail.ru
 д-р филол. наук, профессор,
 академик Российской академии
 образования,
 президент
 Государственного института
 русского языка им. А.С. Пушкина
 Москва, Россия

Ключевые слова:
 размышляющий ум,
 вербальные
 и невербальные
 интеллекты,
 мультимедийные средства,
 коммуникативный
 фрагмент, чтение

В статье рассматривается влияние чтения на развитие мыслительной деятельности человека. Анализируется соотношение письменного и мультимедийного текста, дается историческая ретроспектива роли письменного текста в формировании интеллекта в российском обществе.

Приобщать ли к обработанному умом, чувствами и трудом поэтов, писателей, ученых книжному языку современное поколение, привыкающее (а чем моложе – даже уже и привыкшее) к новым синтезирующим формам опредмечивания слова? Может ли соучастие чувств заменить размышляющий ум?

Существуют два типа интеллекта – вербальный, функционирующий в словесно-логической форме с опорой на знания и невербальный – с опорой на зрительные образы и пространственные представления. Новые синтезирующие формы опредмечивания слова вроде бы гармонируют с невербальным интеллектом. И тем не менее еще со времени крестовых походов слепых и глухонемых учили читать. Казалось бы – слепой опирается на звуки, глухонемой – на зрительные образы, тут не до книжности. А вот поди ж ты – учили, специальные азбуки составляли.

Пока мы не смиримся с деятельностным характером языка, пока мы не перестанем отождествлять структуру языка и языковую способность, пока мы не признаем главенствующую роль языковой памяти в общении, мы обречены делать неверные выводы как теоретического, так и практического характера, имеющие прямое отношение к

письменным текстам, преподаванию литературы, преподаванию языка.

Разностилевой русский язык может стать объектом успешного овладения только через чтение. А чтение развивает мыслительную деятельность. Похвала Фамусова Чацкому – «что говорит, и говорит, как пишет» – прямое тому подтверждение.

Русское сознание исторически является лингвоцентрическим. Художественная литература (и не только художественная) до сих пор служит непререкаемым образцом правильности языкового выражения. Только объективный научный анализ поможет воспринять и органически ввести в сознание опасности и преимущества информационно-коммуникативной эпохи, своевременно осмыслить целесообразность и возможности сохранения достигнутого предками, совершенствовать имеющиеся формы опредмечивания текстов без изменений истинной сути.

Сконцентрировав в себе ум, чувства, труд поколений, книжный язык стал эталоном языковой правильности. Пусть картинки легче воспринимаются и быстрее понимаются, но в памяти-то остается лишь обозначенное словами. Станут ли новые синтезирующие формы опредмечивания слова базой для создания чего-то равноценного книжному языку?

Становление книжного языка сопрягается с ростом словаря, обогащением лексико-семантических связей отдельных слов и целых их классов; разветвляется синонимия, перестраивается и усложняется синтаксис, вырабатываются формы передачи собственными словесными конструкциями того, что в живом общении опирается на жестикуляцию. А не то ли происходит с начавшим читать человеком? Приобщение к чтению расширяет словарный запас, выводит в активное употребление правильные синтаксические конструкции, поддерживает орфографические навыки наконец.

Теоретики массовой коммуникации утверждают, что телезритель вовлекается в изображаемое на экране соучастием всех чувств, а не посредством размышляющего ума. Действуя массивно на все органы чувств, кино, видео, телевизор создают эффект вовлеченности в то, что происходит на экране, а не заставляют домысливать, как это делает книга, вербально компенсирующая отсутствие культурной обстановки. В ходе чтения возникает глубокое и прочное знание без отвлечения на дисплейные детали. Простодушные детей дошкольного возраста безоговорочно требуют разглядывания книг с картинками. Здесь обход фазы умственного направления логичен: ведь при чтении письменного текста надо опираться на личный опыт – у детей его нет. Но когда личный опыт

появляется, то чтение фокусирует внимание, не позволяя ему рассеиваться.

Выше мы говорили о том, что функционирование вербального интеллекта осуществляется в словесно-логической форме с опорой на знания. В противоположность вербальному невербальный интеллект базируется на наглядно-действенном мышлении с опорой на зрительные образы и пространственные представления. Можно объяснить разницу этих двух типов интеллекта разнополушарными возможностями (такое объяснение по сути своей апеллирует к «черному ящику»). Можно искать вне склонности каждого из интеллектов к пониманию соответственно словесно-логического или наглядно-действенного некоторую неполноценность, представляя идеалом вербально-невербальный интеллект. Давайте возьмем фонвизинского Митрофанушку. Типичный невербальный интеллект.

Митрофан (*подает ему книгу*). Вот, грамматика.

Правдин (*взяв книгу*). Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Это не значит, что Митрофанушка, став взрослым, не сможет адекватно действовать в какой-либо житейской ситуации. Сможет лучше многих, но абстрактными понятиями ему овладеть много труднее – он к ним физиологически не расположен.

Так уж сложилось, что у нас в России обучение было направлено не на формирование интеллекта типа Митрофанушки, а на формирование вербального интеллекта. Потом появились новаторы, которые проповедовали наглядность. Это было и в методике преподавания иностранных языков (только ленивый не обругал переводно-грамматический метод). Когда появились аудиовизуальные методики, они были расчисланы на прирожденных митрофанушек. Прямой метод, метод погружения, интенсивные методы – все они на формирование вербального интеллекта не работали. Принцип наглядности тоже поспешили объявить панацеей и продолжают считать обязательным для всех.

А вот пример вербального интеллекта – Чичиков. Задуманная им авантюра безусловно носит словесный характер, да и многие прочие его действия подтверждают принадлежность Чичикова к интеллекту первого типа.

Когда в перестроечный период в российскую школу были направлены красочные с картинками учебники иностранных языков без грамматических обобщений и таблиц, тогда еще привыкшие к обобщениям школьники были ими недовольны (отличники недовольны, троечникам картинки были удобны). Сейчас вроде бы догадались совмещать обобщение и наглядность. И в РКИ тоже.

В связи с тем, что человечеству угрожает гиподинамия, медицинскими кругами ведется пропаганда движения. Но не наблюдается ли в последнее время в связи с бумом мультимедийности гиподинамия тех частей мозга, которые привыкли поддерживать рабочую форму с помощью чтения? Вот даже старшеклассники начинают это понимать.

Увиденное по телевизору забывается буквально через час. А прочитанное остается с нами на многие годы. Книги дарят бесценные сокровища, а ТВ замещает их пустотой. Читая, мы учимся мыслить, а телевизор парализует нашу волю.

Ученик 11-го класса

Читающий фокусируется на тексте, не отвлекаясь на слух и цветовосприятие. Получается некоторая экономия сил и прямое достижение цели – получение информации. И осмыслению этой информации тоже ничего не мешает, не отвлекает. Мультимедийные средства, направленные на сообщение информации, размывают – и это неизбежно – возможную фокусировку.

Вернемся к грибоедовским героям. Не любя Чацкого, Фамусов тем не менее дает самую высокую оценку коммуникативным умениям несостоявшегося ухажера своей дочери: *Что говорит! и говорит, как пишет!* (А. Грибоедов. Горе от ума).

Говорить, как писать, может не каждый. Говорить, как писать, но без бумажки в состоянии тот, кто в своей жизни много прочитал и читает. Говорить, как писать – владеть разностильем языка. Тот, кто говорит, как пишет, не задумывается о сочетаемости одного слова с другим. Правильность воспроизводится автоматически, опираясь на резервы словесной памяти.

Полвека назад психолингвисты упорно искали механизмы речи. То, что они нашли, частично опиралось на речевую патологию. Ответ на вопрос, как же человек продуцирует речь, был не очень определенным, хотя методисты иностранных языков (в том числе и РКИ) по

инерции цитируют некоторые работы. Ответ на вопрос, как же человек порождает речь, искали и в исследованиях детской речи. Хотя... опять отсутствие какой-либо определенности. Никак не получалось напрямую соотнести языковую систему и результаты. А ларчик открывался просто – это доказала работа Б.М. Гаспарова «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» [1]. Вслед за Гумбольдом Б.М. Гаспаров считает язык не изделием, но деятельностью, не феноменом, не единой сущностью, но броуновским движением частиц опыта говорящих. Б.М. Гаспаров говорит о языке как о разговорных кусках языкового опыта, как о цитации из конгломерата языковой памяти человека. Человек говорящий пользуется языком, но не осознает это свое умение. Именно неосознанное умение является альтернативой традиционному лингвистическому описанию. «В опыте говорящего субъекта каждая словоформа оказывается погруженной и растворенной в своей собственной, только ей свойственной среде потенциальных употреблений» [1: 86]. И далее – «основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение к ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [1: 117]. И в самом деле, чем ломать копыя относительно непривычности гаспаровской теории, лучше не смешивать языковую рефлексия лингвиста и практику говорения. Неужели носитель русского языка (подчеркиваем – носитель), желая сказать, что он доволен своим отдыхом, лихорадочно вспоминает, как образуется творительный падеж? Примем теорию Б.М. Гаспарова, поскольку она заряжена основательный объяснительной силой. В соответствии с этой теорией в памяти говорящего и пишущего хранятся отрезки речи разной длины (чаще всего сочетание двух – четырех словоформ). Эти отрезки – коммуникативные фрагменты – являются стационарными частицами языкового опыта говорящего.

Короче, хочешь хорошо говорить и писать – читай. Чтение даст несравнимо больше коммуникативных фрагментов – ведь в книгах реализованы различные социальные сферы, в каждой звучит разнообразие языка. А как чтение важно для изучающего русский язык иностранца!

Чтение увлекает читателя в атмосферу интертекстуальности. Вот примеры. По легенде, Пушкин и его друзья-лицеисты, провожая в поход русских солдат, вступивших в борьбу с войсками Наполеона, прочитали над аркой, под которой проходили войска, торжественные строки, адресованные русской армии.

Тебя, текуща ныне к бою,
Врата победы не вместят.

Когда Александр I возвратился в Петербург с победой (изрядно прибавив в весе), он какими-то своими действиями вызвал нелюбовь лицестов и они адресовали ему слова: *Тебя врата победы не вместят*, из-за чего произошло серьезное разбирательство. Было или не было так на самом деле, неизвестно, но быть могло. Лицейсты воспитывались в атмосфере интертекстуальности, создаваемой книгами. Соблазна заменить книгу экраном у них не было.

Теперь немного о сочетаниях слов, которые в дореволюционное время были известны всем слоям русского общества. Это слова Священного Писания. Именно цитаты из Писания применительно к тем или иным жизненным ситуациям положили начало действиям словесной игры, аналогичным описанным выше проказам лицестов. С уважением русские люди по примеру проповеди священников соотносили слова Священного Писания с тем или иным событием. Такой обычай был в дореволюционное время и даже в советские времена массового атеизма. Так, писатель Андрей Битов вспоминает, что Евангелие ему удалось прочитать впервые в двадцатисемилетнем возрасте, но он его уже каким-то образом знал через чтение классической литературы. Вот так и уживались в Советском Союзе Вечное Слово с безбожными большевистскими лозунгами. Спасибо книгам!

За последние десятилетия катастрофически упал интерес детей к чтению. Нынешние дети не могут противостоять красочным кадрам, мелькающим на экране, сменяющим друг друга непредсказуемым образом. Нынешнему поколению становится все труднее полноценно воспринимать информацию, не поддерживаемую звуком, музыкой, пением, изображением, цветом, движением. Картинки легче воспринимаются и быстрее понимаются, но в памяти остается лишь обозначенное словами.

Привычка к восприятию информации в вербально-изобразительной форме с частой сменой кадров и крайне лаконичной языковой составляющей укорачивает нормальный срок восприятия информации. Но краткость и яркость восприятия мешают ее поверить разумом, по-настоящему «переварить». По имеющимся данным, уже целое

поколение молодых людей испытывает неспособность к настоящему чтению, полагая и обычные неспециальные и специальные книжные, и даже газетные тексты неодолимо трудными, неприятными, занудными. Тут недалеко и до утраты способности к профессиональному обучению.

Разные формы общения имеют свои преимущества и недостатки. Да, письменный текст не передает интонацию, тон, тембр, модуляции голоса, ударения. Именно поэтому он позволяет сконцентрировать внимание на содержании преподносимого знания. Почему до сих пор для получения информации в целях формирования знания целесообразно отдавать предпочтение главенству письменной формы? Потому что чтение требует постоянного напряжения разума и воображения, скептической оценки прочитанного.

Письменный текст обладает удивительной способностью по-новому взглянуть на описываемые предметы. Цвет и музыка, которых так много сегодня на экранах гаджетов, тоже могут сопровождать первое видение человека, но не осмысляются привычным для нашего мозга образом. И тогда информация видеоряда утекает, как песок между пальцами. В общении с хорошей книгой так не бывает. Многозвучие и многоцветие мешают концентрации внимания. Многозвучие и многоцветие дисплея – слишком извилистые пути к формированию знания. Не настало ли поэтому время осознанно практиковать разделение разных видов общения и разных форм получения одного и того же текста? Не паниковать от того, что дети не хотят читать, а наметить границы, в которых полезнее и эффективнее в качестве источника информации использовать книги, кино, телевидение, видео. Задача учебно-педагогическая – сделать все возможное для того, чтобы наряду с мультимедийными способами получения информации новые поколения любили бы книгу и умели бы ей пользоваться.

Еще раз подчеркнем, что яркую и самобытную русскую культуру во многом создала русская книга, которая оказывала и оказывает влияние на литературные процессы во многих странах. Об этом часто говорили и продолжают говорить наши иностранные коллеги. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

N.D. Burvikova, V.G. Kostomarov

TO LOVE A BOOK THAT IS THE SOURCE OF KNOWLEDGE?

Inquisitive mind, verbal and non-verbal intellect, multimedia, communicative fragment, reading.

In this article the impact of reading on a person's cognitive ability is reviewed.

The balance of written and multimedia texts is analyzed.